

*Вера
Савельева*

УТОПИЯ, ПРОЩАЙ – И ЗДРАВСТВУЙ, КАТАСТРОФА

Три последних романа Геннадия Доронина – «Остров» (2012), «Реальность номер один» (2014) и «Высокая эротика катастроф» (2017, издан в Москве издательством «Алгоритм» в 2020 году), можно объединить в большой цикл, в котором утопия сменяется антиутопией, а герой перерождается в антигероя.

Роман «Остров», публиковавшийся «Простором», в 2012 году уже выходил в «Алгоритме». Этот жизнерадостный, остроумный текст имеет подзаголовок «Роман путешествий и приключений». Его можно назвать неоромантической утопией о поисках острова, на котором находится почтовый ящик, куда герои должны опустить «письмо счастья», и тогда исполнятся их дописанные в конце письма желания. Роман содержит много неожиданных событийных поворотов и имеет счастливый конец, а автор знакомит нас с разными героями, которые удивляют, забавляют, вызывают симпатию.

Через два года на страницах журнала «Простор» появляется жесткий, ироничный роман «Реальность номер один». Доронин назвал его «роман-пародия». Сатирическое, ироническое, пародийное, действительно, определяют содержание и стиль романа, но его жанровая сверхзадача, по-моему, – это представить картины жизни Земли в относительно недалеком будущем накануне экологической катастрофы, которая уничтожит всё. Футурологические прогнозы автора неутешительны. Люди также несовершенны, управляемы, коварны и простодушны одновременно, их легко подчинить хлебом, обмануть тайной или обольстить чудом. Андроиды, разумные механизмы, генетические мутации и технические открытия не улучшили жизнь, а привели к еще большему социальному расслоению землян. Всё это и многое другое позволило назвать «Реальность номер один» антиутопией [1; 145–154].

И вот через три года Доронин публикует в журнале «Простор» (№ 7 за 2017 год) новый сатирический роман «Высокая эротика катастроф», который можно определить как мизантропический роман без героя. Этот небольшой роман из десяти глав автор ласково или снисходительно называет «ромашкой», и он естественно вписывается в творческую биографию писателя Доронина, который от лиризма, юмора, иронии переходит в зрелой прозе к сатире и гротеску. Стиль писателя узнаваем: сочетание реализма и фантастики, нарушение временной последовательности событий (этакий рваный нарратив), соседство сказовой ма-

неры и описательности, открыто выраженная любовь к малой и большой Родине и прорывающийся тенденциозный пафос – то, что Лев Толстой назвал «не могу молчать!».

Прежнего жизнелюба и оптимиста автора-повествователя в этом третьем романе не узнать. Автор как будто рассорился с человечеством и разочаровался в своем герое. Дело в том, что главный персонаж третьего романа носит имя Бочаров и перекочевал в третий роман из «Острова». Но мир так изменился, что заставил измениться и Бочарова.

В «Острове» это милый чудака немного за тридцать, который живет с матерью в подвальном этаже без окон, где никогда не выключается электричество. Он откровенно признается, что «считает себя стариком», не любит женщин, а любит читать книги и сочувствует тем, кто их сочиняет, потому что им «некогда читать». «Читателей-то всё меньше, преобладают писатели».

«Книг у него было огромное количество. Целые холмы, горы книг». Но хранит он их на чердаке и там, на чердаке или на крыше, читает. Ему никто не мешает, хотя некоторые забираются на крышу с ним пообщаться. Грузчики, которые вывозили списанные или выброшенные книги за город, где их просто сжигали, охотно позволяли ему унести пачки две-три, посмеивались над ним и называли Бочарова «академиком».

«Академик хранил книги на необъятном типографском чердаке, иногда и ночевал около своих сокровищ, устроив среди пачек удобную лежанку. Летом через чердачное окошко было так светло, что можно было читать едва ли не до полуночи, а в лунную ночь еще дольше».

«На крыше хорошо летом, ранней осенью, но лучше всего – зимой», потому что никто не беспокоит. «Зимой черепичный, жестяной, рубероидный мир кажется необъятным. Эти пространства и в самом деле мало изучены, хотя летом легко обмануться, уверовав в конечность крыш, ведь горизонты этой вселенной лежат в разных уровнях». Автор рассказывает о жителях крыш с нежной иронией: там были жители пятьдесят третьего года, «много было более поздних людей – шестидесятых, семидесятых годов», «очень много начала нового века», но «попадались здесь люди тридцатых годов и даже двадцатых, правда редко».

Связей с «нижними» людьми «люди крыш» старались избегать. «Вообще потаенных народов вокруг множество, только приглядеться надо, – думал Бочаров. – На легальных правах людей живет гораздо меньше, чем прячутся по подпольям, чердакам, подворотням, кочегаркам. И много от них пользы бывает».

А теперь обратимся к третьему роману Доронина. Прошло примерно десять лет. Бочарову уже сорок два. В начале романа читатель узнает, как неожиданно изменяется жизнь Бочарова после смерти матушки и встречи с соблазнительной красавицей Машей, которая полезла на крышу, чтобы достать унесенную ветром тоненькую, прозрачную и дорогую ночную рубашку, подарок любовника Генерала. Чтобы лучше представить ситуацию, приведем цитату из первой главы романа: «Как-то раз ее тоненькая ночная рубашка, соблазненная утренним ветром, была сорвана этим ветром с бельевой веревки и унесена куда-то на ржавые пространства. Маша не очень дорожила рубашкой, потому что, скажу по секрету, спала совершенно обнаженной; она часто и по квартире ходила нагой, нимало не смущаясь бывшего мужа, но все-таки захотела рубашку вернуть с крыши, потому что,

объясняла она потом Бочарову, это был подарок Генерала – он привез рубашку из самого Парижа, куда ездил (вместе с женой своей Агнетой Карловной, светской львицей, записной красавицей, фотомodelью, киноактрисой) на международную военную конференцию». Маша просит Бочарова спасти ее «ночнушку», которая зацепилась за самую высокую антенну, и принести в квартиру номер пять этого дома.

Вот так «свободная женщина Маша» полностью перекроила судьбу Бочарова «Маша, можно сказать, сбила его для себя с крыши, как палкой сосульку». Она убедила его переселиться в свою двухкомнатную квартиру, объяснила, что мир теперь живет на пороге различных предсказанных учеными и политиками катастроф. А раз так, то надо ловить момент и наслаждаться. «Один мой знакомый Генерал считает, что волна эротизма, секса без обязательств, захлестнувшая мир, – это не совсем осознанный ответ человечества, живущего под постоянной угрозой уничтожения: живи и люби, как в последний час мира... Вот поэтому даже в обводах современных небоскребов, в очертаниях огромных машин, даже атомных подводных лодок, нам мнятся фаллические символы».

Выясняется, что, пока Бочаров прятался на крыше, нижний мир стал другим. Бочаров кое-что об этом знал или догадывался. Например, он знал, что книги стали странной, даже запретной диковинкой. Однажды одну молоденькую журналистку с телевидения, которой поручили подготовить передачу «Забывтая старина», направили к нему, так как в городской библиотеке «не смогли подобрать необходимых бумажных книг, чтобы напомнить телезрителям, как они выглядели во времена Пушкина». Её очень удивило, что во времена Пушкина не было электронных книг. «Но что она могла предложить, если у каждого, кто помнил, как читать книги (теперь говорили «юзать книги»), была гетеродинная флеш-карта, на которой размещена вся разрешенная мировая литература – до единой запятой, даже записки писателей в кассу взаимопомощи, даже их доносы друг на друга. Эту флешку можно было купить в любой табачной лавке, ее давали на сдачу в пивных ларьках». Эта журналистка называла Пушкина Львом Николаевичем и считала, что поэму «Демон» написал Стивен Кинг. Бочаров показал ей «свои сокровища», и она была поражена. «Их можно трогать? – спросила она и взяла в руки увесистый том «На ножах». – У нас в доме тоже были бумажные книги – две или даже три. Отец ими очень дорожил и с риском для себя и своих близких хранил их даже после выхода известного постановления об ограничении использования бумаги в книгоиздании, о запрете хождения и распространения социально-пустых, враждебных народу книг. Отец говорил, что книги нужно держать в руках, листать, читать-перечитывать, любоваться ими, как произведениями искусства...»

Конечно, книжная тема в романе Доронина перекликается с событиями фантастических антиутопий Р. Брэдбери и недавнего романа В. Сорокина «Манарага». Но теперь это уже не далекое будущее, а почти сегодняшний день. Ведь статистика книгоиздания и опросы читателей, действительно, показывают, что книги С. Кинга занимают главные позиции в рейтингах.

На пышной свадьбе Маши и Бочарова присутствуют все важные городские персоны, а также посетители салона, который собирает жена Генерала. После этого быт Бочарова преобразается. «Как он иногда говорил сам, у него выбили из-под ног крышу». Правда, Маша купила ему дубовый письменный стол: «вдруг

Бочаров захочет написать роман или мемуары, что-нибудь наподобие «Годы. Крыши. Люди». (Это любимые игры книгочехя Доронина с читателем, который, конечно, должен вспомнить мемуары И. Эренбурга «Люди. Годы. Жизнь».)

Злободневность романа проявляется в сатирическом воплощении экологической «мусорной темы», темы коварных пришельцев, карамазовского разврата шоу-бизнеса, прощания с эпохой книжной культуры и, конечно, темами алкогольной и военной истерии.

Центральной городской политической фигурой и лидером «жителей города» является Генерал, который озабочен возможными последствиями новой войны, но одновременно рассуждает о «необходимости аннексии Луны, а со временем и всей галактики». Генерал снисходительно относится к проектам, которые задумывают и осуществляют его «светская львица» жена и его любовница.

Маша подсказывает Агнете Карловне идею построить новый город, центром которого станет новая Вавилонская башня. В события романа естественно вписывается фантастический сюжет строительства Нового Вавилона. Доронин по-своему реанимирует мифологему Вавилонской башни. Её начинают строить из мусорных отходов на городской свалке, тем самым хотят одновременно решить и экологическую проблему. Новая Вавилонская башня теперь должна будет не разъединить, а объединить людей. Жена с радостью сообщает Генералу: «Несколько дней назад я встретила на нашей башне человека, говорившего на странной смеси английского, французского и русского языков... Процесс, которому предстоит объединить народы, кажется, начался...»

«А между тем гора, нависшая над городом, давно закрывала солнце, на улицах даже в полдень было сумрачно». Генерал предупреждает своих «заигравшихся девушек»: «нужно отпустить город из объятий мусорной горы». «Знаете ли вы, что гора постепенно вытягивает, высасывает, как пылесосом, из города его жителей. Прошел слух (не вы ли его сами распустили?), что во время ожидаемого через пару недель конца света спасутся только обитатели мусорного острова; люди бросают имущество и тянутся в ваш Новый Вавилон... ваш Новый Вавилон, – даже звучит как-то дико».

Любовный союз Маши и Бочарова скоро терпит катастрофу. Его выставляют из квартиры, и теперь Бочаров присоединяется к жителям мусорной горы. Он пассивно наблюдает за строительством Нового Вавилона. Его мучает ревность, и чтобы быть поближе к Маше, он соглашается принять участие во втором авантюрном проекте: экспедиции на байдарках по реке для жителей города и «вавилонцев». Слоган похода по реке Урал: «Единение, взаимопонимание, Бесконечный Порядок на фоне катастрофы».

Экспедиция получает имя «Эммануэль». Напомним, этим женским именем назывался изданный во Франции в 1959 году эротический роман, больше известный по экранизации семидесятых годов. Понятно, что персонажи Доронина не особенно различают, кто такой или такая Эммануэль. Это им не важно. А важно, что во время экспедиции рождается идея проведения конкурса, которому «залпом орудий салютовала страна».

Описание конкурса – это, по-моему, жесткая карикатура на современные коллективные музыкальные мероприятия, включая конкурс Евровидения. Доронин представляет заигравшуюся цивилизацию сытых и аморальных людей, которые инфантильно не замечают, что происходит в мире. Подготовке и опи-

санию конкурса посвящена глава «Триумф Эммануэль». «Шатер изображал вселенную – негасимый огонь мироздания, в этом шатре соревновались акыны, ашуги, скалды – пели, выводили речитативы, декламировали, иногда даже при-танцовывали – о вечной любви отважного паренька Эммануэля, не пожалевшего для любви собственной жизни. Строгое жюри оценивали произведения по десятибалльной шкале... В этом им помогали мощные компьютеры».

Критик О. Абишева в послесловии к роману пишет: «Персонажи Доронина организуют экспедицию имени Эммануэль, идущую под флагом Эммануэль, проводящую конкурс имени Эммануэль. Кутюрье создают шедевры мировой моды, кинематографисты – фильмы, композиторы – кантаты, архитекторы – свои монументы. Хореографы ставят балет, а самые смелые авангардисты обещают написать книгу «Апофеоз абсурда». Искусствовед читает лекцию публике, объясняя, чем отличается высокая эротика от порнографии. Жизнь героев романа – отражение жизни в зеркале современной истории» [2; 41].

Автор дает своему герою шанс одуматься, бежать из этого содома, опять стать жителем крыши. Но у «народа крыши» начался великий исход. «За последний год жизненное пространство значительно сократилось: половина старинного здания лежала в руинах, поговаривали, что власти готовятся снести все столетние дома и на их месте построить здания из стекла, алюминия, стали, с достающими до неба острыми шпилями».

Реальная катастрофа приближается, когда все узнают, что в недрах мусорной горы в результате различных химических процессов родилось гигантское мусорное существо Кло, которое потребовало, чтобы город откупался от него юными красавцами и красавицами. Генерал ведёт с ним переговоры, задабривает, но одновременно стягивает войска. Радикалы призывали к оружию: «Много воли дали инородцам!», «Либералы выступали в газетах: «Руки прочь от беззащитного гостя всех землян!», «Долой партию войны!», «Разумный пришелец – подарок истории!», «Распахнем гостеприимные объятия космическим братьям!», «Готовится подлое убийство!», «Остановить убийц!»

Введенные в роман такие сквозные для творчества Доронина персонажи, как книжник Бочаров или писатель Иванов, всё же очень близки автору. Может, поэтому автор дарит Бочарову чудесный сон, который он видит в то время, когда конкурсная вакханалия достигает своего апогея. В этом необъявленном сне Бочаров оказывается в странном месте, у костра, где негромко разговаривают люди, потягивая вино из алюминиевых кружек. И Бочаров вспомнил рассказы о лагере у реки. «В лагере собирались сочинители, художники, непризнанные гении из всех сфер высокого искусства и изводили друг друга неизданными стихами, невыставленными картинами, разговорами о сволочах-критиках, придурках-издателях, но больше всего доставалось редакторам, которые ничего не понимают в литературе, живописи, да вообще ничего не понимают». В своем сне он встречает ушедших из жизни знакомых и незнакомых людей искусства, а писатели несут ему рукописи с просьбами передать их в какое-нибудь издательство. Бочаров в конце концов соглашается взять и произносит: «Рукописи, конечно, не горят, но легко могут потеряться в необъятных столах редакций, издательств...». Когда Бочаров просыпается в душевной палатке с мыслью «приснится же такое», он видит в углу ее сваленную грудку бумаги. А в сновидении, собирая рукописи «почивших писателей», Бочаров вспоминает «противные ему нынешние электронные книги,

бестелесные фантомы, которые живут, пока пульсирует в их проволочных жилах электрическая кровь».

В конце романа Бочаров одержим желанием спасти себя, Машу, людей, город от ракетной атаки по мусорной горе, но уже поздно. «Внезапно как будто подземная молния вспорола пол под ногами, и образовалась гигантская трещина, в которую в мгновение ока провалились пусковые столы, а следом и сами ракеты. Некоторые ракеты запустились как бы сами по себе, это сработала умная электроника и нанесла автоматический «удар возмездия», но большинство ракет взорвались еще на старте, и только несколько смертоносных снарядов ушли на цель. В огромном здании бушевал и раскидывал свои щупальцы огненный смерч. Люди сгорали, как спички. Никто не знал, где искать спасения. И тут в теле мусорной горы образовались гигантские вращающиеся воронки, и они принялись затягивать «Новый Вавилон» в труднопредставимые подземные пространства».

«Было так страшно, что Бочаров закричал: «Help! Help!.. Маша!!!». «И никто друг друга не понимал... И никто никого не любил... В те дни мир погибал и, кажется, погиб».

Однозначный финал романа, когда гибнут все, не внушает оптимизма, звучит как приговор фантастическому Новому Вавилону, его жителям, а может быть, всем, живущим сегодня.

В трех романах, которые я условно объединила в трилогию, представлены острые углы современной цивилизации. Жизнь так стремительно меняется, что человеку, как и героям романов, трудно что-либо прогнозировать и сделать нужный выбор, о котором они потом не пожалеют.

ЛИТЕРАТУРА

1. Савельева В. Предостережение настоящему. Роман-антиутопия Геннадия Доронина // Простор. 2015. № 6.
2. Абишева О. «Триумф Эммануэль в эпоху катастроф». Послесловие к роману Г. Доронина // Простор. 2017. № 7.

